

Клоун и Пожар

Григорій Хорошко

Всё в этом мире нам известно с давних пор.
Нет тех вершин, что подчинить не смог бы людской взор.
И все: поля, леса и океаны.
Заложники в руках всей этой драмы.

Однако есть и то, что нам так просто не подвластно.
И связываться с этим слишком уж опасно.
Ведь это — чувство и людская вера.
Они извечно для души и суд, и мера.

Их единицы только покорили.
В себя всю прелесть в миг влюбили.
Но знание меры — это дар.
Что не корится слову чар.

Пускай не лёгок весь сей путь.
И норовит порою дух с него свернуть.
Не стоит сожалеть, ведь не изменена жизни суть.
Что лишь достойным должно в дудку дуть.

Но в каждом есть благой завет.
Мы — созданы чтобы оставить след.
Да, кто-то создан был чтобы явить величие.
А кто-то скромность, доброту, приличие.

Но есть и те, кто в вечность времени вошёл.
Тем, что печаль свою нашёл.
В мгновения своей поры и испытаний.
Стал поводом для сих сказаний.

И человеком этим был банальный шут.
По жизни легкомысленный, простецкий плут.
Любил он жизнь, вино и дев прекрасных.
Вот весь удел его счастливых дней, пускай напрасных.

В нём было благо, пусть в глуби.
Но всё же не был он как та трава в степи.

Он был свободен и шутлив.
Красив, лукав и озарив.

Вся жизнь его прошла в печали.
Но и добро глаза его видали.
Он долго по миру бродил.
Пока корабль духа к сцене не приплыл.

Нашёл своё он здесь призвание.
Пришло к нему удачи осознание.
Что он для публики — и радость, и добро.
Что вместе с ним, пускай на миг, но все забудут зло.

Ведь так приятно знание, что ты нужен.
Что ты им всем приятен, мил и дружен.
Да... люду ты смешон.
Но и шуты, бывало, занимали трон.

Не стоит мнить, что в юморе сих страз.
Нет власти над разумием наивных масс.
Ведь в каждом слове есть уловка.
Как будто духу мышеловка.

Что шут, что клоун — грозный зверь.
Пренебрегать ты им не смей.
Вуаль найдёшь в его словах.
Что разум превращает в прах.

Конечно, всё то баловство.
Лишь для детей есть озорство.
Но ведь и в каждой шутке есть наука.
Жизнь очень уж коварная та штука.

Так следовал заветам своим клоун.
Что для людей был как тот колдун.
Окутывал в свою он всех их в прелесть.
И умиляла их его чудная зрелость.

В деяниях его и в шутках.
Была вся милость, без излишних предрассудков.
Его ценили и любили.

Аж на руках весельчака же все носили.

Доверия и той любви, как у него.

Вовеки не было не у кого.

Он был любимец публики и счастье их сердец.

Всей красотой радости, что в миг пронзал стрелец.

Он вышел к публике в прекрасный день.

Державшись гордо и не допуская лень.

Аплодисменты в миг заполнили зал.

Что к клоуну любовью полыхал.

— Друзья мои, я Вас благодарю.

От Вашей радости и я счастливее слышу.

Я счастлив, как старик в туфлях нашедший острый камень.

"Как генерал, узревший опадение своих же знамен", — гласил шутливо добродушный плут. Осознавая, что люди продолжения ждут. — Так что ж не будем медлить и скорей начнём.

И путь к веселию скорей найдём.

Он даровал им то, в чём все нуждались:

В добре и радости... все наслаждались.

Вкусили благо, как вено.

Что было легко, как перо.

Весь мир забылся... только сцена.

Удел артиста и его судьбы предела.

Всё здесь как будто бы родное.

Привычное и столь чудное.

Здесь ты впитал и тишь, и шум.

Что не сквернят всю прелесть дум.

Почувствовать на миг свободу.

Вкусить любовь, мелодию и жизни оду.

Всё это словно новый мир.

Куда сбегает мы от толп задир.

Что в этом мире есть законы, власть?

Когда вкусил свободы сласть.

Слова со сцены, словно мёд.

Заставят перейти чрез всякий брод.
Познав их вкус, познаешь и порок.
Что наслаждением водит нас меж дивных строк.

Всё это — магия забвения.
Ей характерна быстрота и снисхождение.
Всё это клоун людям подарил.
Взамен лишь звук признания попросил.

Вся честь мирских и всех небесных слов.
Сошлась из уст артистских строф.
Феерия... Восторг... Кураж...
В миг воцарились, словно всё мираж.

Вот выступление прошло.
И сердце каждого своё же в нём нашло.
Есть тот, кто внял лишь смех и благо слов.
Есть тот, кто мудрость и прелестность снов.

Эффект един — феерия... восторг.
Отдал же шут им всем свой долг.
Он подарил мгновение покоя.
И улетучил ореол тоски и зноя.

Сидит теперь во тьме кулис.
Потерян он, как тот Улисс.
Он ощущает стыд и боль.

— Скажи мне друг, случилось, что с тобой? — спросил его бывалый друг. Что был
вернее всех на свете слуг.

— Ах, что тебе сказать, милейший.
Обманщик я... причём грубейший.
Узрел правдивость я в глазах народа.
В глазах моих, что словно видит Бога.
Я как тот лис среди зверей.
Рыщу лишь в поиске корысливых огней.
Устал я... стыдно мне... я змей...
Прошу, уж ты хоть мне поверь!

— Я верю, старый наш Дурак.

Увы, судьба сложилась так.
Все верят лишь в слова шутов.
Вникая милости их слов.
В такие дни уж мы бытуем.
И жизнь свою, так мы любим.
Такой вот есть простой удел.
Что нас застал среди плутовских дел.

— Правдивость, как болезнь та губит.
Но всё же люд её так любит...
У всех есть скверная черта.
Нам наплевать на зов добра.
Мы все идём, как в том тумане.
И с разумом, что весь в дурмане.
Мы следуем на зов красивых слов.
В итоге лишь ломая дров.

— Я слышу в голосе твоём уныние.
С каких же пор ты подпустил к себе сие пустынное.
Свободой ты всегда знавался.
Пред взором тяжести не приклонялся.
Ты шёл тропею тяжких бед.
Но вот ты здесь... причин для горечи вовеки нет.

— Я знаю... ах, мой милый друг.
Мои слова уже сквернят же личный слух.
Знай, завтра выйду я в последний раз.
Познав всю радость публики и дивных страз!
Без лжи, притворства и прикрас.

— Ну что ж... года твои уже преклонны.
Пускай теперь и дух, и тело станут же спокойны.
Ты заслужил всё, милый друг.
Найдёт покой пусть твой зарливый дух.
Но знай же, друг ты мой, одно.
С тобой идти мне суждено.
Однажды, вместе мы суда пришли.
Пусть знают, что в единстве и ушли.

Сказал ему былой фагот.
Что еле слышал прелесть нот.

Бытуя с другом на равне.
Во всей прелестной, ночной тьме.

— Держать с тобою нам единый путь.
Познали мы давно с тобой свою всю суть.
Мы подарили им всё что могли.
Дня этого с тобою долго мы ждали.

И ночь окутала округу.
И две души раскаялись друг другу.
Всё сказано, что можно было уж сказать.
Осталось лишь последнюю поставить им печать.

У каждого есть свой предел.
К которому прийти сумел.
Жизнь знает где поставить точку.
И написать последнюю в судьбе сей строчку.

Всё сходится, и всё стихает.
Запал души ведь тоже остывает.
Пришла пора последнего пути.
Готов и клоун гордо по нему пойти.